

Этика — в свободе

Один из лидеров отечественного авангардного искусства, поэт, прозаик, художник Дмитрий Александрович Пригов об экстремизме в жизни и культуре

Ольга НИКОЛАЕВА,
Александр НИКОЛАЕВ,
для «Новых Известий»

— Дмитрий Александрович, на смену эмоциям, захлестнувшим нас всех в связи с трагедией «Норд-Оста», пришло время осмысления. Какие наиболее важные и принципиальные вещи уяснили для себя вы?

— Мне кажется удивительным, что при том способе ведения войны в Чечне и существующем отношении к ее жителям подобный страшный теракт произошел только сейчас. Ведь никакой ясности, никакой основополагающей идеи, кроме величия непонятного государства, нет; не определен статус войны, которую кому-то явно по причинам экономического порядка так не хочется закончить. Неясность ситуации порождает сомнительность поведения обеих сторон, что ведет к криминалу, который используют и те, и другие. Чеченцы доведены до крайности. В таком положении должны действовать определенные правила — слабый всегда имеет некое преимущество защиты, ему что-то простительнее, чем сильному. Здесь все вывернуто наоборот — я сильный, значит, мне дозволено все, раз я начал, значит, я прав. Думаю, эта трагедия показала всему чеченскому народу, его андерграунду или сопротивлению, что вести всякие переговоры с властью таким коварным способом, как взятие заложников, бессмысленно, стало быть, они больше не станут сидеть с взрывчаткой на животе и ждать, когда их отравят газом, — они пойдут и начнут взрывать. Опыт Палестины прекрасно показывает, что тут любые танки бесцельны — танками можно уничтожить тысячу человек, а тысяча первый взорвет все, что нужно.

— Признаться, показалось странным, что в обращении президента к обществу не было речи о войне.

— Да, властью все было сделано для того, чтобы не вскрывать первопричину, а изъять случившееся из реалий российской жизни и включить в чистый такой кристалльный контекст мирового терроризма, тем самым сняв с себя ответственность — мол, и у вас, и у нас творится одно и то же. Вообще, разговор с обществом в эти дни поражает отсутствием честности и мужества.

— Нам к этому не привыкать.

— В том-то и беда, поскольку многие или поверили, или сделали вид, что поверили. Как всегда победило государство, а точнее, государственная тайна — ну помрут лишние пятьдесят человек, зато о газе, во всяком случае, сразу никто ничего не узнает. Я не вправе критиковать власть с точки зрения технической стороны дела, но некоторые знаки ее общения со всеми нами говорят о глубинных ее пороках. Наша власть всегда была закрыта, но с каждым годом предъявлять счет к ней становится намного сложнее. Вновь учимся прочитывать между строк дозируемой информации и телекадров то, о чем думает руководство, и кто вершит нашу политику: президент, кланы, силовые структуры или органы...

— Вас не тревожит, что довольно массовой была реакция — хорошо бы их всех отправить в одночасье в дальние края, как некогда товарищ Сталин?

— Я думаю, что мы обсуждаем пусть и тяжелые, но все-таки проблемы более продвинутого социума, а это реакция архаического сознания. Суть в том, насколько оно распространено. Наше общество сложно стратифицировать, но среди разных градаций мнений явно выделяется тяга к сильной руке, которая фундируется определенной формой социального мышления. Это позиция тех людей, кому жизнь при советской власти далась легкой ценой. Им было гарантировано стабильное существование, так что время в целом воспринималось как вполне комфортное, и перед ними, очевидно, не стояли вопросы ни свободы высказывания, ни передвижения — они им не были нужны. В каком-то смысле они вызывают сочувствие, но этот пласт, имеющий типично мелкобуржуазную ментальность, достаточно широк, что очень серьезно. Вот почему нам так требуются радикальные движения, как правые, так и левые, которые должны выполнять функцию социальных противовесов и ориентиров. Такие силы есть во всех странах, и своей резкостью они одергивают власть, если та стремится стать тоталитарной, и одновременно выявляют пороки общества, к тому расположенного. Главная же задача общества — умело сдерживать их в рамках закон-

ности. Но у нас пока эти силы просто мизерны.

— По результатам интерактивных опросов видно, что мнения людей раскололись почти надвое. Нам довелось слышать по радио один из них, и насторожил тот факт, что одобрявшие власть открыто называли свои имена и регалии, тогда как их оппоненты предпочитали отвечать анонимно.

— Проблема многослойна, поскольку существует боязнь не только террора власти, но и террора общественного мнения, и многие привыкли проверять свою адекватность по масс-медиа. В сложной депрессивной ситуации, когда в выступлениях большинства из них акценты были расставлены в соответствии с властными оценками, почти пятьдесят процентов, имевших мужество выступить против, — показатель обнадеживающий. До прямого террора в отношении СМИ власть не дошла, но ключевыми пунктами психологического и идеологического давления овладела, сумев навязать соображения целесообразности. Вполне возможно, что она не настроена резко радикально, но, как мы видим, она взялась за создание такой политической структуры, которая помимо ее воли неизбежно воспроизводит свои традиционные формы и ведет себя так, как она привыкла, как ей надо, порождая на всех уровнях присущие ей стилистические жанры. Если так будет продолжаться дальше, то вскоре структура отбросит ненужную риторику, оставшуюся от демократических времен, и явит себя жесткой и нетерпимой к любым проявлениям инакомыслия и критики.

— Вам не кажется, что голос интеллигенции звучал непривычно слабо?

— В данном случае следует внести небольшую поправку — интеллигенция как прослойка, имевшая свои исторические параметры, исчезает. Вместо нее образуется категория интеллектуалов, пока маргинальная. Интеллигенция была мощным феноменом в обществе, лишенном развитых социальных и духовных институтов, поэтому она взяла на себя роль философии, религии, борьбы за справедливость. Перед властью она выступала как голос народа, а для народа транслировала идеи власти. Более того, она сама переняла властные амбиции, и все великие русские интеллигенты так или иначе были ими одер-

жимы, и как только получали шанс, то его использовали. Интеллектуал же позиционно не причастен к властным институциям, он сторонний аналитик, чья задача неизменно противостоять власти и вскрывать ее ошибки и заблуждения. При этом он руководствуется только лишь соображениями своей профессиональной этики. Интеллигенция же, напротив, обычно вступала с властью в эмоциональные взаимоотношения: или страстного идеологического противоречия, так как считала, что предлагает более правильную форму правления, или любовные. Возьмите некоторых представителей масс-медиа, например, Леонтьева — он испытывает буквально эротическое наслаждение, выражая мнение фундаменталистски настроенной части общества. Для него интеллект — слово ругательное, ибо он полагает, что основными в человеке в данном случае должны быть качества нерелективные, такие, как обожание и преданность. Между тем человек — существо неоднозначное. Государство же на протяжении всей российской истории стремилось навязать ему в качестве доминирующей национально-патриотическую идентификацию, а все остальные выжечь. Именно поэтому после крушения Союза, когда государственность рухнула, народ, у которого как бы ничего другого не осталось, испытал чувство сильной фрустрации. Ныне опять делается попытка поставить традиционные и вновь появляющиеся мелкие личностные идентификации на обслуживание единой государственной — так легче манипулировать человеческим сознанием, легче создавать для него необходимый власти образ внешнего и внутреннего врага. При таком положении вещей масс-медиа должны определить свою нишу в социуме и всячески способствовать защите личности многоплановой. В этом их профессиональная этика.

— Как вы считаете, почему общество склонно винить литературу во многих своих бедах?

— Ситуация забавная, показывающая, насколько власть атавистична в своих взглядах на иерархию в культуре. Литература по-прежнему остается для него наиболее опасной как своеобразный культурный имиджмейкер, отвечающий за все виды искусства. Тяжесть удара обрушивает-

ся в первую очередь на нее, тогда как можно было бы наброситься на телевидение, кино, рок-музыку.

— Наверное, это следствие того, что Россия исконно считается страной вербального менталитета. Скажите, пожалуйста, актуально ли сегодня понятие ответственности писателя перед собой и перед обществом?

— Конечно, но оно не столь прямолинейно и однозначно, как прежде, и складывается из нескольких составляющих. Во-первых, это прямой заказ художника себе: что следует писать, а что нет. Во-вторых, понимание того, что он представляет культуру, и потому от него требуются полная свобода и открытость. Искусство для того и явлено, чтобы работать с предельными поведенческими моделями и проблемами, проигрывать темы и сюжеты, которые не разрешено проигрывать в социуме, и в этом отношении ответственность писателя заключается в том, чтобы быть максимально радикальным. Срединное существование есть манкирование своими творческими обязанностями. И, наконец, он должен четко осознавать границы своей деятельности и никогда не переходить через них в политику и социальную жизнь. Обычно это кончается плачевно. Появившись в этих сферах, писатель пусть и продолжает отбрасывать свой прежний имидж, но теперь он подлежит не законам культуры, а законам общества и Уголовного кодекса. Яркий

пример тому Лимонов. Проще говоря, можно в тексте описывать убийства и использовать любую лексику, но нельзя выходить на улицу с ножом и прилюдно ругаться матом.

— А ограничения этического характера существуют?

— В литературном пространстве действует профессиональная этика, которая выше общечеловеческой, и она требует полной отдачи. Как правило, писатели — люди для общества довольно тяжелые. Они не самые лучшие граждане, патриоты, отцы семейства. Этика писателя — в ответственности перед родом его деятельности и типом служения. Вот, допустим, этика служения солдата, которого государство обязывает совершать то, что с человеческой точки зрения делать нельзя, — убивать. И если он на это не способен, то он не солдат. Подобное поведение не означает, что он плох как человек, но профессионально он невяжущий. Так и в творчестве писателю дозволено вводить самые крайние модели говорения и поведения. Разумеется, я имею в виду писателя, делающего новое искусство.

— Вы отрицаете прямое воздействие художественного произведения на читателя?

— Да, это иллюзия нашего сознания, привыкшего любые эстетические явления переводить в социально-нравственные аспекты и судить их по этой шкале, а все непривычное и непонятное объявлять развращающим общество. Искусство, несо-

менно, вещь опасная, но не более, чем другие области человеческой жизни, которые сами по себе тоже опасны. На мой взгляд, акт массового вандализма в отношении книг Сорокина перед Большим театром куда заразительнее и ужаснее, чем любое художественное произведение. Повторяю, в культуре нет ни убийства, ни порнографии, ни фекалий, ни мата.

— Согласитесь, однако, что некоторые писательские тексты не могут не коробить и шокировать, хотя бы в плане лексики.

— Во все времена литература приращивала зонами нелитературного языка, и всякий раз по этому поводу велись бурные баталии, ибо людьми, привыкшими к устойчивейшей норме, это воспринималось как крах всего святого. Тем не менее у них всегда была и остается возможность найти деликатное и цивилизованное решение — коли тебе неприятен текст, то отложи в сторону, не читай, но не уничтожай и не запрещай. Ведь не запрещают же спорт из-за того, что молодым ребятам вредно поднимать тяжелые штанги. Мат — особый пласт русского языка, выражающий некий тип высказывания и, если хотите, мышления. Включенный в дискурс того или иного персонажа, он перестает быть ругательством. Борьба с матом в литературе означает стремление лишить ее возможности испытывать современный язык. К счастью, история доказывает, что любое табуирование в культуре бессмысленно и бесплодно.